

Вместо предисловия

RES PUBLICA: ВОЗРОЖДЕНИЕ И НТЕРЕСА¹

Для современного русскоговорящего человека термин «общее дело» кажется либо выражением, которым пользуются идеалисты, не учитывающие очевидного индивидуализма современной жизни, либо лозунгом, которым прикрываются циничные политики, когда пытаются представить собственные цели как общественные. Поэтому призывы поработать ради общего дела или поучаствовать в нем имеют очень слабый эффект.

Однако в классической республиканской традиции — ведущей свое начало от Аристотеля и Цицерона через Макиавелли, Монтеस्कьё и Токвиля до таких теоретиков XX века, как Ханна Арендт или Чарльз Тэйлор, — термин *res publica* означает такое *общее дело*, ради которого стоит жить и даже сложить голову. Республика в их понимании есть нечто большее, чем форма правления; это определенное состояние народа, поддерживаемое постоянным участием граждан в решении общезначимых вопросов. Прообразом идеального республиканского сообщества вплоть до настоящего момента выступают самоуправляющиеся города античности и Возрождения: Афины, Рим, Венеция, Флоренция, Дубровник, а для России — средневековый Новгород.

¹ Это предисловие написано после обсуждений на летней школе «Res publica», проведенной на Чудском озере в июле 2007 года при поддержке фонда «Династия», совместно несколькими ее участниками (в алфавитном порядке): Дилором Ахмеджанова, Вадим Волков, Катерина Герасимова, Виктор Каплун, Евгений Рошин, Сергей Трояновский, Олег Хархордин, Софья Чуйкина.

Конечно, нас от этих славных республик отделяют столетия и немногие сейчас готовы пожертвовать жизнью ради общего дела. Нет общепринятых ответов и на многие вопросы относительно условий формирования и обеспечения стабильности республики — начиная от размера сообщества и заканчивая проблемой коррупции. Но, несмотря на необходимость поиска ответов на эти непростые вопросы, республиканская идея становится после крушения марксизма серьезной альтернативой интеллектуальному господству либерализма. При этом республиканизм, как и либерализм, утверждает свободу отдельного человека, и этим они отличаются от других предлагаемых альтернатив — разных версий национализма, религиозной или праворадикальной мысли. Современная республиканская теория предоставляет много аргументов в пользу того, что общее дело, объединяющее граждан в значимом для них совместном проекте свободной жизни, может быть реалистичным и осмысленным именно сейчас.

За два последних десятилетия сложился обновленный корпус представлений о том, что такое республиканская идея и какой может быть республиканская практика в XXI веке². В своей обобщающей книге о более чем двухтысячелетней истории гражданского республиканизма Изольт Хонохан выделяет четыре ключевых элемента республиканской традиции³. Согласно Хонохан, *res publica* предполагает:

- а) реализацию особой концепции *свободы*;
- б) наличие у граждан того, что принято переводить на русский язык терминами *гражданская доблесть* или *гражданская добродетель*;
- в) *участие* граждан в определении их общих условий жизни и в соответствующих совместных действиях;

² См., например: *Pettit Ph. Republicanism: A Theory of Freedom and Government. Oxford: Clarendon Press, 1997; Gelderen M. van, Skinner Q. (eds.). Republicanism: A Shared European Heritage. 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 2002; Honohan I. (ed.). Republicanism in Theory and Practice. N. Y.: Routledge, 2006.* Обобщающую статью см. в Стэнфордской энциклопедии политической философии (<http://plato.stanford.edu/entries/republicanism>).

³ См.: *Honohan I. Civic Republicanism. London; N. Y.: Routledge, 2002.*

Вместо предисловия

[RES·PVBLICA]

г) *признание* обществом значимости заметных индивидуальных вкладов в общее дело — как ориентиров совместной осмысленной жизни.

Нам представляется, что к этому списку из четырех традиционных элементов республиканской традиции можно добавить еще и пятый — внимание к *общим вещам*, по поводу которых общее дело начинается или которые оно вовлекает и порождает⁴.

Рассмотрим эти ключевые элементы республиканизма, обращая основное внимание на упреки в адрес республиканской традиции, накопившиеся за последние сто лет, и ответы, предлагаемые сторонниками современной версии республиканской идеи.

С В О Б О Д А

В XX веке республиканское понятие свободы часто отождествляли — в силу ряда концептуальных и исторических недоразумений — с понятием позитивной политической свободы, которое было сформулировано Исайей Берлином в оппозиции к негативной свободе⁵. Позитивная свобода — это свобода быть хозяином самому себе, вести свой собственный образ жизни, самореализоваться. Негативная свобода — это свобода от внешнего вмешательства в дела индивида, свобода от внешнего принуждения в некой, пусть малой, сфере его частной жизни. Речь у Берлина идет о двух принципиально разных пониманиях свободы, и попытка реализовать их в политической сфере, полагает Берлин, ведет к совершенно разным последствиям — как для индивидов, так и для всего сообщества в целом.

Перенесение идеи позитивной свободы в сферу политики, считает Берлин, может быть очень опасным. Политическое право гражданина влиять в равной с остальными степени на жизнь сообщества не обеспечивает гражданину личной свободы. Наоборот, тирания

⁴ Тем более что выражение *res publica* могло означать как общие дела, так и общие вещи: «все, что касается народа». В статье Олега Хархордина раскрывается этот, наименее изученный, аспект республиканской теории.

⁵ См.: Берлин И. Два понимания свободы // И. Берлин. Философия свободы. Европа. М.: НЛО, 2001. С. 128–185.

так называемой общей воли (на деле — всегда большинства), или, если угодно, «демократическая тирания», может оказаться не лучше, а то и много хуже монархии и в гораздо большей степени лишать людей личной свободы. Именно принцип позитивной свободы был использован в своих целях тоталитарными идеологиями, ибо, опираясь на него, всегда можно заявить, что эмпирическое Я индивида должно быть подчинено его «подлинному» Я — каковое может быть частью сверхчувственного всеобщего разума, или естественного закона, или социального класса, или нации, или народного духа. Вследствие влиятельной критики Берлина негативная свобода стала в либеральной политической теории предпочтительнее позитивной, поскольку возникло устойчивое представление о том, что платой за достижение коллективных целей всегда будет подавление индивидуальных интересов и свобод.

Один из основных аргументов республиканских авторов заключается в том, что концепция свободы в республиканской мысли вообще не укладывается в рамки лобового противопоставления позитивной и негативной свобод (некоторые либералы, впрочем, также считают такое противопоставление ошибочным). И если уж использовать этот созданный либеральной политической мыслью понятийный аппарат, то можно сказать, что республиканская свобода предполагает определенное сочетание двух этих видов свободы.

Свобода в классическом республиканизме понимается как противоположность рабству, как не-рабство⁶. В определенный момент времени раб может пользоваться свободами, которые будут признаны либералами как значимые: например, господин не будет принуждать его и препятствовать его действиям и желаниям. В некоторых случаях, как, например, в комедиях Менандра или Плавта, хитрый раб даже может помыкать своим господином или ограничивать его власть. Тем не менее, даже если господин не применяет принуждения по отношению к своему рабу, сама возможность этого принуждения остается *неустранимой* по определению. Свобода же заключается в том, чтобы не быть зависимым от произвола — в том числе и от милости — другого. Когда финальная инстанция решений пере-

⁶ См.: Скиннер К. Свобода до либерализма. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.

дана другому, это делает человека несвободным. Не иметь господина или хозяина, жить по своей воле, иметь свое дело и свою жизнь — вот что делает человека свободным.

Знаменитые договоры с приглашенными на правление князями регулярно подчеркивают, что они заключены «на всей воли новгородской»⁷. Античность и Средние века заботит прежде всего, чтобы город был свободен, жил по своей воле. Тогда он — вольный город. Современная республиканская мысль подчеркивает: это необходимое условие, но недостаточное. Отдельные граждане тоже должны жить по своей воле, не жить под произволом, не быть в воле другого. Это требование можно сформулировать в виде концепции свободы как не-господства: только если ты отказываешься от попытки поработить других, подчинить их своей воле, ты можешь стать сам свободным вместе с ними. Идея здесь заключается в том, что, принимая ограничения — в виде совместно устанавливаемых после коллективного обсуждения законов и правил, — человек не перестает быть свободным⁸. Суть свободы не в том, чтобы не было ограничений для движений, желаний индивида, а в том, чтобы этот индивид не попадал в волю другого⁹.

Г Р А Ж Д А Н С К И Е   Д О Б Л Е С Т И

Второй важный элемент классической республиканской традиции — это вопрос *гражданских добродетелей или доблестей* и связанные с этим дебаты об их коррозии или коррупции. Быть гражданином — значит участвовать в определении того, что является

⁷ Отсутствие сохранившихся средневековых новгородских архивов заставляет либо анализировать тексты летописей, либо уделять внимание сохранившимся «людским» вещам — так, например, переводится выражение *res publica* в тексте «Ефремовой Кормчей». Об исследовании одной градской вещи в повседневной жизни средневекового Новгорода повествует статья Сергея Трояновского.

⁸ Причем правила эти должны быть записанными, публично доступными и защищаемыми независимым судом — иначе общее, или публичное, дело, *res publica*, превращается в *cosa nostra*, «наше дело», когда несколько честных мужей вершат правоприменение по своему усмотрению.

⁹ Статья Евгения Рощина рассказывает о многих классических механизмах — жребий, ротация, номинации, — которые призваны обеспечить этот критерий.

Res publica: возрождение интереса

[RES·PVBLLICA]

общим благом, и заботиться о нем; участвовать в выработке правил совместной жизни и принимать ограничения, следующие из этих правил. Только таким образом граждане могут сохранить свою личную и политическую автономию. Но что делать, если они не хотят брать на себя бремя этой свободы?

Упадок нравов — одна из наиболее обсуждаемых тем в истории республиканской традиции. Цицерон, наблюдая, что происходит с современным ему Римом, часто пишет, что республика осталась только на словах, поскольку гражданские нравы в Риме постепенно сошли на нет. Макиавелли, Гвиччардини и их круг также были обеспокоены проблемой того, как вдохнуть жизнь в угасающую республику во Флоренции: ставить общие интересы выше личных на деле, а не на словах стало сложно и дорого. Реалистичный пессимизм по поводу человеческой природы ощущается в названии известной книги Джона Покока о влиянии республиканской мысли Возрождения на американскую революцию: республика всегда неустойчива, она существует короткое время и рушится, когда необходимые для ее поддержания нравы ослабевают и пропадают¹⁰.

Что же вызывает неизбежную коррозию добродетели? Либеральные экономисты объясняют этот факт ссылкой на человеческую природу. Человек есть существо, руководствующееся интересом и принципом рационального выбора. Он всегда стремится минимизировать свои затраты и максимизировать выгоду. Поэтому человек готов участвовать только в таком «общем деле», которое с минимальными издержками для индивида ведет к удовлетворению его интереса (интерес понимается здесь в рыночном значении этого слова). А с еще большей готовностью он вообще не будет вкладывать силы в достижение группового блага, даже если очень в нем заинтересован, если он потом в любом случае сможет воспользоваться плодами коллективных усилий: раз профсоюзы все равно добиваются для рабочих улучшения условий коллективных трудовых контрактов, то зачем отдельному рабочему ходить на собрания и пла-

¹⁰ Pocock J.G.A. *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton: Princeton University Press, 1975. Конечно, в русской культуре век воспевания классической гражданской добродетели — это время Радищева, Карамзина и Муравьева. Про особое внимание александрийского века к античным образцам идет речь в статье Виктора Каплуна.

тить взносы?¹¹ Манкур Олсон назвал это проблемой коллективного действия или проблемой «безбилетника» (free-rider). Чем больше группа, тем труднее контролировать вклад каждого члена в общее благо, тем больше соблазн проехать «зайцем». Один из способов решения проблемы «безбилетника» — идеология, возвышающая человека над мелкими, эгоистическими соображениями и мобилизующая на коллективное действие.

В республиканской традиции предлагаются два других основных способа решения проблемы неучастия в общих делах. Первый аргумент принадлежит Алексису де Токвилю, который считал гражданскую пассивность величайшей угрозой республике. Токвиля можно перефразировать примерно так: пока вы в поте лица зарабатываете деньги для своей семьи или жарите шашлыки у себя на даче и радостно пьете пиво, наслаждаясь общением с детьми, друзьями и родственниками — отдав управление сообществом тем, кто стремится этим заниматься, — вы рискуете навсегда потерять возможность участвовать в решении судьбы сообщества. В вашу жизнь не вмешиваются, на вашу личную свободу никто не покушается, и постепенно вы все больше концентрируетесь на этих радостях частной жизни (Токвиль презрительно называет их *petites et vulgaires plaisirs*, «маленькие вульгарные удовольствия»). Но в один прекрасный день вы вдруг узнаете, что правила общественной жизни незаметно поменяли. Вам в общем-то все равно: шашлыки вкусные, дети вас любят, а представители власти вроде бы не посягают на ваши экономические интересы. А то, что вы теперь находитесь в воле других и не имеете реальной возможности участия в политических решениях, — это до поры до времени не ощущается как проблема.

Но это до поры до времени. Вы не можете быть застрахованы от ситуации, когда вам постепенно будут навязывать извне некий новый общий экзистенциальный стандарт, правила жизни в соответствии с представлением о норме, которое имеется у тех, кому делегировано управление. Эти руководители могут искренне полагать, что действуют во имя общего блага и, следовательно, блага каждого, и если вы пока еще не понимаете, что ваше подлинное бла-

¹¹ Olson M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965.

го именно в том, что вам теперь предлагают, то рано или поздно вас заставят это понять.

Перефразируя известный афоризм, нас могут спросить: «Вы, конечно, можете учредить республику, но где сегодня вы возьмете для нее республиканцев?» Решать проблему участия через создание гражданской религии, или идеологии, под силу не каждому сообществу. Токвиль предлагает решать этот вопрос по-другому: через обучение гражданским добродетелям в «начальных школах свободы», то есть развивать свободную прессу и участие в городском самоуправлении, а также в небольших общественных ассоциациях, где прививается вкус к совместному действию с другими. Но в республиканской традиции предлагается и второй способ решения проблемы неучастия в совместном действии — он связан с механизмами *признания* в республике.

П Р И З Н А Н И Е   Д О Б Л Е С Т И

Классическая республика — это тот вид сообщества, который, говоря современным социологическим языком, давал гражданину наиболее значимую для человека идентичность. Цицерон в трактате «Об обязанностях» (I: 57) писал, что из всех видов сообществ наиболее дорогим и важным для человека является *res publica*. Близкие, друзья, город, человечество — тоже важны как типы сообщества, каждый по-своему, но только ради республики люди готовы умереть без колебаний. После появления книгопечатания, в XV–XVII веках, трактат Цицерона стал частью обязательного чтения для образованных европейцев (он был второй после Библии книгой по тиражам в Европе). Цицерон сыграл роль классика и для русской культуры. В российском Просвещении конца XVIII — начала XIX века Цицерон — один из самых читаемых и почитаемых авторов. Гоголевское «что ни слово, то Цицерон с языка» есть просто ироничное свидетельство о повседневных практиках образованной российской публики этого времени.

Однако сегодня утверждение Цицерона может показаться свидетельством давно ушедших эпох, когда мужи больше думали о

Вместо предисловия

[RES·PVBLICA]

славе и чести, чем о норме прибыли и самосохранении. Востребованность этого образа мыслей в условиях современного капиталистического общества, состоящего, как принято считать, из атомизированных, движимых личным интересом индивидов, кажется сомнительной — и далеко не только либеральным экономистам. Тем не менее возможно и иное мнение, основанное на более широком понимании «интереса».

Арендт подчеркивала: греки понимали, что смертные приближаются к богам, только когда о павших и умерших создавались бессмертные истории, повествующие об их деяниях¹². Республика есть то сообщество, отличительной чертой которого как раз и является порождение подобных историй: например, военные достижения Перикла и его надгробная речь, излагаемая Фукидидом в «Пелопоннесских войнах», оставили его имя в веках. Только записанные истории значимых деяний и жизней дают претензию на бессмертие. На уровне семьи или дружеского круга во времена Цицерона достичь такого же эффекта было невозможно. Деяния на уровне республики, зафиксированные посмертно в сказании о доблестной жизни, были сильным стимулом для того, чтобы принимать участие в общем деле¹³. Авторы итальянских республик Возрождения, вторя греческим и римским авторам, писали, что с угасанием гражданской доблести надо бороться, что путь к признанию и славе должен быть открыт для всех честных мужей, причем надо устроить так, чтобы реализация индивидуальных амбиций была наиболее удобной и притягательной в рамках общего дела, *res publica*. Соревнование в доблести нужно и для того, чтобы самые богатые и талантливые не делали попытки опрокинуть республику в угоду своим личным интересам¹⁴.

Как это сделать в современном обществе? Далеко за примером ходить не надо, что показал Аласдер Макинтайр в книге «После до-

¹² *Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни.* СПб.: Алетейя, 2000.

¹³ Поэтому, например, как показано в статье Дилором Ахмеджановой, нынешние ТСЖ не могут быть «республикой» в полном смысле слова, так как они не могут выйти на уровень значимого жизнеописания: эта функция — не их уровня. Иными словами, у этого типа сообщества нет способности производить смысл жизни.

¹⁴ *Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought. Vol. 1.* Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 179–180.

бродетели». До сих пор артистическая богема, мир спорта и отчасти науки живут в борьбе за установление превосходных достижений, которые или превзойдут достижения других игроков, или будут значимыми для всех тех, кто играет в данную игру. Например, Джексон Поллок не отменяет достижений Рембрандта, но теперь, чтобы быть значимым художником, надо знать достижения как первого, так и второго. Чтобы быть футболистом в России, надо знать и, возможно, соревноваться с эпохальным достижением Олега Блохина в финальном матче с «Баварией» 1975 года. Сказание о доблестной жизни здесь появляется в соревновании с превосходными образцами, наиболее значимыми в рамках данной игры¹⁵.

Характерная черта этих сообществ — принципиальное равенство участников и невозможность снискать себе признание с помощью насилия или нарушения стандартов соревнования. Превзойти других — да, заставить их силой согласиться с твоим достижением или отменить правила — нет. История все равно рассудит и все расставит по своим местам. Получается, что автор сказания о доблестной жизни — это все сообщество: начинаешь и делаешь ты сам или сама, но признание приходит в результате оценки твоих достижений равными, которые восхищаются достигнутым. Одно из определений республики может быть таким: это *равенство тех, кому не все равно*.

У Ч А С Т И Е

Самое большое сомнение относительно значимости республиканской традиции для современных государств таково. Считается, что современные парламентские республики, основанные на политической репрезентации и выборах представителей народа в национальные собрания, функционируют совсем иначе, чем то, что в полити-

¹⁵ Макинтайр показал, почему здесь иначе, чем в истории с материальными благами, решается проблема соотношения индивидуального и общего. Дело в том, что значимое достижение отдельного индивида сразу становится ориентиром для всех играющих. Поэтому оно принадлежит всем (*Макинтайр А. После добродетели. М.: Академический проект, 2000*).

Вместо предисловия

[RES·PVBΛICA]

ческой теории называется прямой демократией, или демократией *участия* (иногда ее еще по-русски называют, сохраняя латинский термин, партиципаторной). Ясно, что на одной площади не собрать для обсуждения все население какой-либо европейской страны. Поэтому трудно представить сегодня прямую демократию, работающую на уровне современных национальных государств, — особенно если представлять ее по модели, придуманной Карамзиным в описании Новгорода: кто громче кричит на вече, тот и имеет больше шансов протолкнуть свою политику. К тому же многие попытки создать сообщества, функционирующие по модели прямой демократии, дискредитировали себя в XX веке либо как репрессивные (Советы в революционной России, израильские киббуцы), либо как маргинальные (хиппи, экспериментальные коммуны и сообщества 1960–1970-х годов).

Однако прямая демократия, например в Древней Греции, не была «прямой» в нашем понимании, то есть прямым волеизъявлением всех граждан. В действительности эта форма была сложным механизмом, где, помимо Народного собрания (с ограниченным набором полномочий), существовали магистраты и судьи, избираемые по жребию, а также выборные должности. Последние и выставляли на обозрение добродетели их обладателя, а также заставляли индивидов соревноваться между собой, что выделяло их из общей массы. А если внимательнее взглянуть на сложное институциональное устройство как Древней Греции, так и Древнего Рима, то становится очевидной его адаптивность к более крупным политическим сообществам.

Однако классические республики исключали из участия в политическом процессе большое количество населения, а это неприемлемо для современных политических систем¹⁶. Когда последние классические республики Европы — Венеция и Дубровник — сдались наполеоновским войскам, маршалы французской армии знали, почему это произошло. Из-за закрытой, почти кастовой системы

¹⁶ Иными словами, классические республики складываются как соревновательные и саморегулирующиеся режимы, но с ограниченным числом влиятельных игроков (описание этого аргумента см.: *Greif A. Self-Enforcing Political Systems and Economic Growth: Late Medieval Genoa // Analytic Narratives. Princeton: Princeton University Press, 1998*).

доступа в список патрицианских семей, члены которых только и могли занимать основные властные позиции, эти республики превратились в дряхлые олигархии, и городские низы не хотели сражаться за власть олигархии¹⁷. В национальном государстве, которое шло на смену республике, была иерархия, но была и надежда на продвижение наверх, которая почти отсутствовала в традиционных республиках. Схожий аргумент иногда приводят и в отношении Новгорода: битва на Шелони в 1471 году была проиграна, так как простые горожане не поддержали бояр во время битвы. Они, возможно, не видели разницы между сонмом мелких кровопийц и одним большим вурдалаком или даже могли приветствовать появление одного господина вместо нескольких десятков господствующих семей — так жизнь становилась более предсказуемой.

Новые республики, основанные на парламентской процедуре, сначала дали членство в политической системе только собственникам, но обещали и постепенно ввели всеобщее участие в выборах. Их обычным ответом на обвинения в элитарности является утверждение, что народ раз в пять лет выбирает ту группу элиты, которая будет над ним господствовать. Ротация правящих групп внутри олигархии с помощью выборов или республиканских механизмов типа жребия и номинаций — такая ли уж здесь большая разница? Однако есть и более интересный способ защитить республиканскую традицию от упреков в элитарности и кастовости.

Дело в том, что традиционные механизмы республиканской демократии — жребий и ротация — могли быть использованы на нескольких уровнях. Бернар Манен, например, заметил, что в Англии 1750-х годов число выборщиков составляло около 280 000, и потому легко можно было представить себе, что из всех собственников-граждан города по жребию мог бы избираться представитель, который входил бы в собрание собственников-граждан графства, среди которых избирались бы жребием представители на более высокий уровень, и так далее, вплоть до избрания верховной исполнитель-

¹⁷ И наоборот: Венеция и Дубровник просуществовали как республики так долго потому, что умело выигрывали военное соревнование с внешними соперниками и подавляли внутренние конфликты. О республике как особой форме бизнеса по производству услуг безопасности см. статью Вадима Волкова в настоящем сборнике.

ной власти жребием среди собрания собственников-граждан всей страны. Проект был практически реализуем, но он не рассматривался — не из-за своей непрактичности, а из-за того, что к управлению национальным государством относились уже не как к гражданскому долгу или праву, а как к особой хозяйственной профессии, с требованиями которой не каждый патриций может адекватно справиться¹⁸. Арендт как-то заметила, что политика в классическом понимании закончилась, когда либералы реинтерпретировали английскую форму латинского термина *res publica* — *Commonweal* (общее благо) — как *Commonwealth* (общее богатство). Тогда появилась доселе немыслимая категория «национальное, или народное, хозяйство» и на политиков стали смотреть как на оправдомов. Это было также связано с восхождением на небосклоне западной политической мысли идеи общества как рынка — саморегулирующегося, гармоничного, прозрачного для самого себя. Эта созданная политической экономией XVIII века утопия до сих пор является одной из основ современного либерального мировоззрения.

Итак, приход национального государства после XVII века как самого мощного агента международной политики и становление в XVIII–XIX веках идеи народного хозяйства как главного предмета забот внутри этого национального государства сделали сообщества, живущие как *res publica*, либо слабыми, либо маргинальными. Организовывать классическое общее дело, то есть *res publica*, на уровне нации было либо нерационально, либо невозможно. В условиях мира, состоящего из национальных бюрократических государств, где власть в большой степени отчуждена от граждан и гипостазирована в формальных институтах, легко осуществить подмену, заменив принцип республиканской свободы принципом «служения государству», которое всегда стремится подменить собой и «общее благо», и «общее дело», и «общую вещь».

Современные квазиреспубликанские механизмы развиваются сейчас как на донациональном уровне, так и на наднациональном. Малые самоуправляющиеся сообщества, где происходит автоматическое, но не подконтрольное никому в отдельности создание гори-

¹⁸ Манен Б. Принципы представительного правления. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.

зонта смысла жизни для их участников, плодятся вокруг, например, сообщества блоггеров. Такие сообщества, однако, внетерриториальны, то есть у них нет главного признака силы как классических республик, так и современного национального государства — контроля над фиксированной территорией. Поэтому их влияние неизмеримо слабее. Напротив, относительный контроль над территорией есть у надгосударственных образований, напоминающих *res publica*. Например, большие саморегулирующиеся соглашения типа общеевропейского межгосударственного режима контроля над эмиссией углекислого газа в атмосферу могут рассматриваться как таковые¹⁹. Здесь не встает проблема участия, характерная для классических республик, так как число участников мало и все допущены к принятию общих правил игры. Но здесь есть проблема отсутствия гражданских доблестей и соревнования за их обладание — так как единицами действия являются не индивиды, а фиктивные лица.

Однако и на уровне отдельной страны есть перспектива для введения классических республиканских механизмов²⁰. Конечно, задействовать громадную массу равных людей в республиканских формах жизни неизмеримо сложнее, чем отдать их под управление 52 семей в Дубровнике, 2500 патрициев во Дворце дождей в Венеции или 300 «золотых поясов», собиравшихся в XIV веке на вече в Новгороде. Но «сложно» не значит «невозможно». Надо только помнить, что кроме провозглашаемого равенства результатов, характерного для социализма, и кроме равенства изначальных возможностей, характерного для либерализма, есть еще *третий тип равенства*. Жребий в классических республиках, например, означал не обязательное попадание на важные должности исполнительной власти — хотя при двухмесячной ротации на основных позициях власти во Флоренции (в Сеньории) каждый среди равных полноправных граждан мог надеяться там побывать, — а именно равенство в шансах попадания на

¹⁹ См., например: MacKenzie D. The Political Economy of Carbon Trading // London Review of Books. 2007. 5 April. Vol. 29, No. 7.

²⁰ Тем более что традиционные единицы догосударственного уровня — города, районы, регионы — все могут гордиться элементами прямого участия. Конечно, эти достижения, даже если они есть, не делают их *res publica*, так как они находятся в воле и под произволом национальных государств и пока легко сминаются при соревновании с централизованной военной и денежной мощью.

эти должности. Про этот тип равенства — равенства не в распределении результатов или обустройстве стартовых условий экономической деятельности, а равенства в степени влияния на общее дело — мы почти совсем забыли. Пора про него вспомнить.

О Б Щ И Е В Е Щ И

Для классических республик была характерна особая форма отношений с *общими вещами*, забота о которых способствовала политическому объединению граждан. Эти отношения строятся на разделенной ответственности граждан за управление и использование общих вещей, будь то водопровод, площадь или свод законов. В самом общем случае республиканизм может рассматриваться как определенный способ регулирования отношений между людьми и вещами.

Кризис инфраструктуры в России, где она серьезно не ремонтировалась уже в среднем двадцать лет, показывает нам, что есть один аспект *res publica*, который позволяет говорить о перспективах расширенного участия в определении своей судьбы того агента, который на страницах учебников называется «народ» и который обычно не существует в нашей реальности, кроме как в виде первого значения этого древнерусского слова — «толпа». Этот аспект — вещи публичные или, в новгородском переводе, — *вещи людские*, которые связывают людей воедино, например в городские сообщества. Причем связывают напрямую, ощутимо и жестко. Например, когда зимой при минус 40 замерзают трубы, проблема мобилизации населения на протестные действия не стоит.

Повседневное здесь смыкается с философским. Переводя один из тезисов известного эссе Хайдеггера о том, что такое вещь, Библихин написал: *res publica* — это дело, которое делается так, что всех задевает, всех касается, по поводу него не может быть все равно. «Делаться» и «задевать» здесь этимологически связаны: *res publica* — это дело, которое неизбежно задевает²¹. Долго объяснять это глубокое

²¹ Хайдеггер М. Вещь // М. Хайдеггер. Время и бытие. М.: Республика, 1993.

философское усмотрение населению замерзающего города не надо: замерзшая труба входит в квартиру каждой семьи и касается ее ощутимо, физически. Мимо нее не пройдешь, как и мимо туалета, который тоже больше не работает. Но участие населения в решении бытовых проблем ситуативно и недолговечно. Как только Росстрой привозит вертолетами новые трубы и батареи, а МЧС их быстро монтирует, мобилизация проходит.

Получается, что у нас есть инфраструктура, которая связывает людей во время аврала, но у нас нет инфраструктуры постоянного участия — нет *res publica*, понимаемой как общая, или градская, вещь, которая требовала бы нашей общей заботы и предполагала бы совместное действие. Перефразируя известное выражение, можно сказать: градообразующие предприятия у нас повсюду, а градоформирующих мероприятий — вещей и дел, объединяющих граждан по их поводу и на их основе, — нет.

Смещение фокуса в республиканской мысли на внимание к общим, или градским, вещам дает следующий тезис: если мы хотим иметь *res publica* — чтобы горожане были также и гражданами, — то надо расширять инфраструктуру участия. Как писал еще Цицерон, нужны и общие вещи, и общее дело по их поводу или на их основе. Иначе трудно придать устойчивость всем остальным элементам *res publica*: общее дело будет мимолетно и неустойчиво. Расширять инфраструктуру свободы надо так же просто и ощутимо, как строятся газо- и нефтепроводы, ставшие скелетом новой идентичности России. Нужны (видимые и осязаемые) «трубы», которые входят в каждый дом и по которым движется энергия граждан.